

У саракавую кнігу серыі
«Беларусіка=Albaruthenica»
Грамадскага аб'яднання
«Міжнародная асацыяцыя
беларусістаў» уключаны
даклады, якія прагучалі
падчас працы
VI Міжнароднага кангрэса
беларусістаў
(Мінск, 27 – 29 мая 2015 года)
на пасяджэннях
тэматычных блокаў,
прысвечаных актуальным
пытанням мовазнаўства,
літаратуразнаўства і
культуралогіі.

АКТУАЛЬНЫЯ АСПЕКТЫ БЕЛАРУСІСТЫКІ

АКТУАЛЬНЫЯ АСПЕКТЫ БЕЛАРУСІСТЫКІ

Матэрыялы
VI Міжнароднага кангрэса
беларусістаў

АКТУАЛЬНЫЯ АСПЕКТЫ БЕЛАРУСІСТЫКІ

**Матэрыялы
VI Міжнароднага кангрэса беларусістаў
Мінск, 27–29 мая 2015 года**

Зборнік артыкулаў

УДК 008(476+438)(082)
ББК 74(4Бел)
А43

Серія заснавана 1993 годзе

Рэдакцыйная калегія:

І. Э. Багдановіч, С. Л. Гаранін, С. М. Запрудскі, І. Л. Капыло,
А. І. Мальдзіс, В. У. Міцкевіч, М. Р. Прыгодзіч, В. П. Рагойша,
М. І. Свістунова, А. А. Суша, Г. А. Цыхун

Навуковыя рэдактары:

кандыдат філалагічных навук *І. Э. Багдановіч*;
кандыдат філалагічных навук *С. М. Запрудскі*;
кандыдат філалагічных навук *В. У. Міцкевіч*;
кандыдат філалагічных навук *М. І. Свістунова*

Рэцэнзенты:

доктар філалагічных навук *І. А. Гапоненка*;
кандыдат філалагічных навук *У. Г. Кароткі*

Актуальныя аспекты беларусістыкі: матэрыялы VI Міжнароднага кангрэса беларусіста (Мінск, 27–29 мая 2015 года) : зб. арт. / пад рэд. І. Э. Багдановіч [і інш.]. — Мінск : Кнігазбор, 2020. — 428 с. — (Беларусіка = Albaruthenica; Кн. 40).

ISBN 978 985 7227 45 7.

У саракавую кнігу серыі «Беларусіка=Albaruthenica» Грамадскага аб'яднання «Міжнародная асацыяцыя беларусіста» уключаны даклады, якія прагучалі падчас працы VI Міжнароднага кангрэса беларусіста (Мінск, 27–29 мая 2015 года) на пасяджэннях тэматычных блока, прысвечаных актуальным пытанням мовазнаства, літаратуразнаства і культуралогіі.

Кніга разлічана на беларускіх і замежных вучоных, выкладчыкаў вышэйшых навучальных устаноў, настаўнікаў, студэнтаў, усіх тых, каго цікавяць найношыя дасягненні беларусістыкі і славістыкі.

УДК 008(476+438)(082)
ББК 74(4Бел)

ISBN 978 985 7227 45 7

© Калекцыя тэма, 2020
© Афармленне. ПУП «Кнігазбор», 2020

ПРАДМОВА

Матэрыялы чарговага тома выдавецкай серыі «Беларусіка=Albaruthenica» Грамадскага аб'яднання «Міжнародная асацыяцыя беларусістаў» змяшчаюць даклады, якія прагучалі на пасяджэннях тэматычных блокаў VI Міжнароднага кангрэса беларусістаў (Мінск, 27–29 мая 2015 года). Падчас правядзення кангрэса другі раз была выкарыстана форма тэматычных блокаў, якая стымулявала арганізацыйную актыўнасць навукоўцаў, установаў або абнаўленне кантактаў з калегамі з розных краін, якія працуюць у сумежных сферах.

У цэнтры ўвагі лінгвістычных блокаў кангрэса была гістарычная праблема-тыка. На форуме працавалі пяць мовазнаўчых блокаў з выразным гістарычным ухілам: «Старабеларускае моўнае пасрэдніцтва ў кантактах Усходу і Захаду» (мадэратар — Андраш Золтан), «Моўны кантакт у дыяхраніі» (мадэратар — Алена Рудэнка), «Гісторыя мовы: беларусістыка — украіністыка» (мадэратар — Валянціна Мароз), «Мова старабеларускага рэлігійнага пісьменства» (мадэратар — Ігар Клімаў), «Моўная сітуацыя ў Вялікім Княстве Літоўскім» (мадэратар — Ірына Будзько). На жаль, толькі часткова ўдзельнікі названых тэматычных блокаў падалі для друку свае даклады, якія змяшчаюцца ў раздзеле «Гісторыя беларускай мовы». У гэтым жа раздзеле публікуецца адзін з дакладаў блока «Летапісы і хронікі Вялікага Княства Літоўскага: традыцыі і пераемнасць XV–XIX стст.» (суаўтары: Катажына Грабоўска і Лілія Цітка).

На кангрэсе працаваў таксама тэматычны блок «Германізмы ў беларускай мове» (мадэратар — Мікалай Прыгодзіч). Абмеркаванню праблем беларускага мовазнаўства і літаратурнай мовы 1920–1930-х гадоў быў прысвечаны блок, скліканы Сяргеем Запрудскім.

У рамках форума працаваў мовазнаўчы блок «Беларуская мова як замежная» (ініцыятар склікання — Радаслаў Калета). У томе друкуецца большасць яго дакладаў, а таксама выступленне Ларысы Пісарэк аб выніках яго работы.

Два лінгвістычныя даклады (Андраша Золтана і Сяргея Запрудскага) прагучалі на пленарным пасяджэнні кангрэса.

Праца літаратуразнаўчых блокаў таксама вызначалася разнастайнасцю, увага ўдзельнікаў была скіраваная на такія праблемы, як жанрава-тэматычная спецыфіка пісьменства даўняга і новага часу, міжлітаратурныя сувязі, пытанні атрыбуцыі і інтэрпрэтацыі мастацкіх твораў. Чатыры тэматычныя блокі разглядалі гісторыю літаратуры ў тэарэтычна-метадалагічным, сацыякультурным і нацыятворчым аспектах: «Беларуская літаратурная гісторыя сёння. Праблемы і перспектывы» (мадэратары — Гун-Брыт Колер і Павел Навуменка), «Духовны вопыт Беларусі і іншых славянскіх краін у кантэксце гісторыі пісьменства: сацыякультурнае вымярэнне» (мадэратар — Жанна Некрашэвіч-Кароткая), «Праблемы атрыбуцыі беларускае літаратуры XIX ст.»

Buschmeier, M., Erhart, W., Kauffmann, K. Literaturgeschichte. Theorien — Modelle — Praktiken / Hg. M. Buschmeier, W. Erhart, K. Kauffmann. Berlin—Boston : De Gruyter, 2014. 392 s.

Casanova, P. The world republic of letters. Cambridge, MA [u. a.] : Harvard University Press, 2004. 440 p.

Fukuyama, F. Das Ende der Geschichte : wo stehen wir? München : Kindler, 1992. 418 s.

Grüttemeier, R., Leuker, M.-T. Vorwort // Niederländische Literaturgeschichte / Hg. R. Grüttemeier, M.-T. Leuker. Stuttgart—Weimar : Metzler, 2007. S. 9–12.

Gumbrecht, H. U. Shall we continue to write Histories of Literature? // New Literary History. 2008. № 39. P. 519–532.

Huber, M. Literaturgeschichte revisited. Neue Modelle und alte Fragen // Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes. 2012. № 59. S. 321–332.

Jauß, H. J. Literaturgeschichte als Provokation der Literaturwissenschaft // Literaturgeschichte als Provokation. Frankfurt/Main : Suhrkamp, 1974. S. 144–207.

Jockers, M. Macroanalysis. Digital Methods and Literary History. Urbana—Chicago—Springfield : University of Illinois Press, 2013. 208 p.

Kohler, G.-B., Navumenka, P. Interference of autonomization and deautonomization in the Belarusian literary field. Indication of ‚smallness‘, or something different? // Вестник БДУ. Серия 4 : Філа. Журн. Пед. 2012. № 3. P. 3–11.

Lampart, F. Problemfeld Literaturgeschichte und Raum. Italienische Perspektiven // Literaturgeschichte. Theorien — Modelle — Praktiken / Hg. M. Buschmeier, W. Erhart, K. Kauffmann. Berlin—Boston : De Gruyter, 2014. S. 337–357.

McMillin, A. Die Literatur der Weißrussen: a history of Byelorussian literature from its origins to the present day. Gießen : Schmitz, 1977. 447 p.

Moretti, F. Graphs, Maps, Trees. Abstract Models for Literary History. London—New York : Verso, 2005. 119 p.

Perkins, D. Is Literary History Possible? Baltimore—London, 1992. 208 p.

Rauch, M., Geisenhanslüke, A. Einleitung // Texte zur Theorie und Didaktik der Literaturgeschichte / Hg. M. Rauch, A. Geisenhanslüke. Stuttgart : Reclam, 2012. S. 9–24.

Schönert, J. Vielerlei Leben der Literaturgeschichte? // Literaturgeschichte. Theorien — Modelle — Praktiken / Hg. M. Buschmeier, W. Erhart, K. Kauffmann. Berlin—Boston : De Gruyter, 2014. S. 30–48.

Van Rees, K. How conceptions of Literature are instrumental in Image Building // Institution and Innovation / Ed. K. Beekman. Amsterdam—Atlanta : Editions Rodopi, 1994. P. 103–129.

Wagner-Egelhaaf, M. Literaturgeschichte als operative Fiktion // Literaturgeschichte. Theorien — Modelle — Praktiken / Hg. M. Buschmeier, W. Erhart, K. Kauffmann. Berlin—Boston : De Gruyter, 2014. S. 86–101.

Wellbery, D. E. Einleitung // Eine Neue Geschichte der deutschen Literatur / Hg. D. Wellbery et al. Berlin : Berlin University Press, 2007. S. 15–24.

Wellek, R. The Fall of Literary History // Geschichte — Ereignis und Erzählung / Hg. R. Koselleck, W.-D. Stempel. München : Fink, 1973. S. 427–440.

Werle, D. Für eine Literaturgeschichte semantischer Einheiten // Literaturgeschichte. Theorien — Modelle — Praktiken / Hg. M. Buschmeier, W. Erhart, K. Kauffmann. Berlin—Boston : De Gruyter, 2014. S. 63–86.

Zeyringer, K., Schmidt-Dengler, W. Literaturgeschichte : Österreich : Prolegomena und Fallstudien / Hg. K. Zeyringer, W. Schmidt-Dengler. Berlin : Schmidt, 1995. 240 s.

Zeyringer, K., Gollner, H. Literaturgeschichte : Österreich seit 1650. Innsbruck [u. a.] : Studien-Verl., 2012. 840 s.

Андраш Золтан (Будапешт)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДВУХ «РУССКИХ» КАНЦЕЛЯРСКИХ ЯЗЫКОВ (ЛИТОВСКОГО И МОСКОВСКОГО) В XV–XVI ВЕКАХ

Развиваясь на разном диалектном субстрате, в разных государственных образованиях, в контактах с разными языками и культурными традициями, московский и «литовский» деловые языки к XV в. развили уже ряд характерных черт, на основании которых документы, написанные в Литве, легко отличимы от документов, написанных в Северо-Восточной Руси. Это происходило несмотря на то, что оба языка продолжали характеризоваться и в дальнейшем многими общими чертами, восходящими к древнерусскому периоду. Унаследованный общевосточнославянский словарь обеспечил и в дальнейшем беспрепятственную коммуникацию между носителями двух языков; можно думать, что лексические различия между языком московских и литовских грамот в XV–XVI вв. еще не приводили к осознанию их как принадлежащих к двум разным языковым системам. Оба языка назывались в это время «русскими». Можно предполагать, что старобелорусский язык воспринимался в Московской Руси как местный вариант единого «русского» языка, а это понятие, как известно, включало в себя здесь еще и церковнославянский язык, который отличался от московского делового языка не меньше, чем старобелорусский. Во всяком случае старобелорусские тексты в московских ответных документах цитируются без перевода еще и во второй половине XVI в., когда вследствие возрастающей полонизации старобелорусского языка словарный состав двух языков уже сильно различался, и в польско-русском диалоге на старобелорусском языке уже имели место иногда и недоразумения вроде того, что Иван Грозный выражение Стефана Батория «твои послы перед маестат наш были возвани» (КПМЛ, № 22, с. 45) воспринял как оскорбление (см.: ПИГ 219, стр. 662).

В связи с тем, что государственным языком Великого княжества Литовского стал старобелорусский, этот язык стал и языком дипломатии в сношениях Литвы с Московским государством. Поскольку Польша до Люблинской унии

1569 г. не имела общих границ с Россией, в условиях польско-литовской персональной унии (1386–1569 гг., с небольшими перерывами) дипломатические сношения Польско-Литовского государства с Московским рассматривались как литовско-московские. Употребление старобелорусского языка польско-литовской дипломатией в сношениях с Россией согласно этой традиции продолжалось и после действительной унии Польши и Литвы в 1569 г. Традиция эта была поддержана по желанию русской дипломатии еще и в XVII в., когда в самой Западной Руси старобелорусский деловой язык, с одной стороны, все больше и больше уступал место польскому языку, а с другой — терял свой самостоятельный характер, превращаясь в вариант польского языка в кириллической графике. Несмотря на явное незнание русского языка в польской королевской канцелярии, в 1646 г. русские послы в Польше возразили против предложения польской стороны, чтобы королевские грамоты русскому царю писались впредь на польском языке, так как «издавна повелось, что грамоты королевские к великому государю пишутся **белорусским** письмом; и теперь мимо прежних обычаев, по-польски писать не годится» (Соловьев V, 469–470). Этот эпизод показывает, что старобелорусский деловой язык в качестве дипломатического языка, несмотря на свой сильно полонизированный характер, воспринимался великороссами в середине XVII в. все еще как «свой» язык, противопоставленный польскому как иностранному (Успенский и Живов 1983, 159).

Традиция использования старобелорусского языка в качестве языка московской дипломатии имеет глубокие корни. Старобелорусская лексика богато представлена уже в московской посольской документации, сохранившейся с конца XV в. (Лурье 1963, 263). Этот материал был использован в ряде работ по истории русской лексики (Fogarasi 1958, Kochman 1971–1974 и др., Сергеев 1971, 1972, 1978, Гарбуль 2014 и др.).

Исследователи отметили факт, что уже в самых ранних дошедших до нас документах этого рода засвидетельствовано довольно много польских и старобелорусских и/или староукраинских по происхождению слов, и этот пласт лексики характеризует не только памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским (ПДП I), но также с другими европейскими государствами, в частности, с Германией (ПДС I). Этот факт позволил А. Л. Хорошкевич даже утверждать, что «в 1489 г. посольским делопроизводством (в Москве — А. 3.) ведали либо поляки, либо белорусы» (Хорошкевич 1980, 233). То обстоятельство, что в посольской документации, сохранившейся случайно именно с конца 80-х гг. XV в., старобелорусская лексика используется в сношениях с иностранцами вообще, заставляет предположить, что такая языковая практика сложилась уже раньше, и часть полонизмов проникла в московский канцелярский язык до фиксации их в «Посольских книгах». Действительно, использование старобелорусского языка московской дипломатией в качестве *lingua franca* в общении с Западом

и в более раннее время подтверждается разного рода источниками, относящимися как к церковной, так и к светской дипломатии. Лексическая диффузия между двумя «русскими» языками может иллюстрироваться историей ряда великорусских слов, усвоенных на протяжении XV в. из старобелорусского и/или староукраинского. В результате этой специфической функции, а также в связи с тесными контактами ВКЛ с Польшей и вообще с регионом *Slavia Latina*, с одной стороны, и с регионом *Slavia Orthodoxa*, с другой, канцелярский язык ВКЛ стал активным проводником западнославянских и вообще западноевропейских языковых влияний на формирующийся в это время великорусский деловой язык.

Старобелорусское и/или староукраинское языковое посредничество в сношениях Москвы с Западом отчетливо появляется уже в документах первого выступления московской дипломатии на международной арене — участия в Флорентийском соборе 1438–1439 гг. В великорусских памятниках этого цикла мы находим слова, обозначающие западные, «латинские» (по существу немецкие и итальянские) понятия в их старобелорусской и/или староукраинской, а не немецкой или итальянской форме, восходящей к соответствующим латинским и/или немецким прототипам обычно через польское посредничество. Так, например, в «Хождении на Флорентийский собор» неизвестного суздальца католические *бискупы* и *арцибискупы* противопоставляются православным *епископам* и *архиепископам*, *право* у латинян *закону* у православных, расстояние между русскими городами измеряется в *верстах*, а между западноевропейскими городами в *милях*, говорится о псковском *рубеже*, но о лядской, т. е. польской, *границе* и т. д. Еще в XV в. посредством каналов светской и церковной дипломатии проникли в великорусский деловой язык из канцелярского языка ВКЛ такие важные элементы великокняжеской титулатуры как *господарь* и *отчичь* и *дѣдичь*, которые там возникли как семантические кальки лат. *dominus* и *heres*. Титул *господарь* на великорусской почве изменилось в *государь*, как и производное *господарство* дало форму *государство*. Если слово *государь* в результате бурных социальных изменений начала XX в. и подверглось архаизации, то *государство* доныне входит в основной словарный фонд русского языка, сохраняя в своей внутренней форме память о монархическом устройстве русского государства в прошлом (подробнее см.: Золтан 2014, по указателю).

При помощи ранних заимствований из старобелорусского и/или староукраинского в великорусский могут быть обнаружены слова, которые в этимологической литературе считаются обычно праславянскими по своему происхождению. Однако они имеют общеславянское распространение не благодаря своей праславянской древности, а в результате миграции из одного славянского языка в другой, как, например, *битва* (Золтан 1990; ср.: РЭС 3, 210), *добровольно* (Золтан 2014, 118–133), *присяга* (Kochman и Sznigier 1984) и др.

В качестве иллюстрации мы остановимся более подробно на вопросе о происхождении русского слова *доход*, которое в великорусском впервые засвидетельствовано в документах митрополичьей канцелярии 1451 г. В этих грамотах о назначении митрополичьих наместников для Киева и для Литвы последний общерусский митрополит Иона обращается к своим наместникам, чтобы они управляли церковью «по доволу всяко божественныхъ и священныхъ правил и церковнаго правильного нашего *дохода*», а также к православному населению: «Вы же <...> князи и *панове*, и архимондриты и протопопове, и игумены и *мѣстичи* <...>. А также сынове, благославляю васъ всѣхъ *посполно*, чтобы тѣтъ нашъ намѣстникъ въ *доходѣхъ* и въ пошлинахъ церковныхъ ни отъ кого не обиженъ былъ» (РИБ VI, № 69, с. 572).

Преобладает убеждение, что русск., укр., болг., мак. *доход*, польск. *dochód*, чеш. *důchod* ‘доход, прибыль’ являются континуантами **dochodъ*, якобы существовавшего уже в праславянском (ЭСРЯ I/5, 180; БЕР 1, 415–416; SPraSl 4, 29. Большую осторожность по отношению к этому слову проявлял О. Н. Трубачев, который не только не приводил отдельной статьи *dochodъ*, но не упоминал о нем даже в статье *dochoditi*, см.: ЭССЯ V, 52). Однако уже на основе самого материала, собранного в указанных словарях, можно иметь некоторые сомнения в состоятельности этой точки зрения. Прежде всего, весьма шаткая аргументация по отношению к южнославянскому материалу. В болгарском и русском этимологических словарях игнорируется указание С. Младенова (цитированное в SPraSl) на то, что болг. *доход* в данном значении является поздним русизмом. Упускается также из виду, что в сербскохорватском в данном значении выступает в основном не *доход* (которое, кроме единичных поздних случаев, засвидетельствовано только в конкретных значениях), а *доходак* (уже с XIII в.). Напомним, что с.-х. *доходити* — в отличие от соответствующих по структуре восточно- и западнославянских глаголов — имеет значение ‘приходить’. Значит, с.-х. *доходак* — это ‘то, что приходит’, и поэтому не является безупречной параллелью к словам типа русск. *доход*, польск. *dochód*, которые, по мнению авторов этих же словарей, являются отглагольными существительными от глагола *dochoditi*, имеющего в восточно- и западнославянских языках другое значение (‘доходить до какого-л. предела’). Поздние (с XIX в.) и редкие формы с.-х. *доход*, словен. *dohod* ‘доход’ следует рассматривать как заимствования из других славянских литературных языков; то же самое можно сказать и о мак. *доход*, в котором уже само наличие -х- указывает на книжный характер слова. Таким образом, южнославянский материал, приведенный в указанных словарях, скорее противоречит праславянскому характеру этого слова, чем подтверждает его.

Все это позволило бы еще рассматривать **dochodъ* ‘proventus, tributum’ как праславянский диалектизм (северо-западный, в отличие от южного **dochodькъ*). Однако оказывается, что *доходъ* в данном значении нельзя считать даже общевосточнославянским, так как фиксация др.-русск. *доходъ*

с XIV в. (принимаемая в SPraSl вслед за СРЯ 4, 345) основывается на недоразумении. Дело в том, что слово *доходъ* в указанном значении действительно засвидетельствовано в Никоновской летописи под 1342 г. («Нѣции же рустии чловѣци оклеветаша Феогнаста митрополита къ царю, яко “много безчислено имать *дохода*, и злата, и сребра и всякаго богатства”», ПСРЛ X, 215), но сама эта летопись была составлена лишь в XVI в. (по новейшим исследованиям — в период между 1526–1530 гг., Клосс 1980, 51). Примеры, приведенные И. И. Срезневским из русских переводов ханских ярлыков 1267 и 1379 гг., данных русским митрополитам (Срезн. 1, 719), также не могут свидетельствовать об известности слова *доходъ* в великорусском языке XIII–XIV вв. Оно не читается в самых ранних переводах, сохранившихся в списках середины XV в. (см.: ПРП 3, 465–491), но только в т. наз. «пространной» и «смешанной» коллекциях ханских ярлыков, возникших путем переделки и дополнения (т. е. фальсификации) т. наз. «краткой» коллекции в целях доказательства того, что уже татарские цари гарантировали иммунитет церковных имений. Переделка имела место в связи с собором 1550 г. (Приселков 1916, 47–50; слово *доходъ* в одном из списков «смешанной коллекции» см. там же, 110). Таким образом, употребление слова *доходъ* в списках этих двух более поздних редакций при отсутствии его в первоначальной редакции свидетельствует лишь об известности данного слова во время составления указанных редакций, т. е. в первой половине XVI в. Пример И. И. Срезневского из грамоты 1425 г. взят также из позднего списка (XVII в.). Единственный пример у И. И. Срезневского, не вызывающий никаких сомнений в отражении современного датировке употребления слова *доходъ*, восходит к жалованной грамоте Ягайла своему брату Скиригайлу 1387 г., изданной по подлиннику (см.: Пешак 1974, № 40, с. 74–79). Эта грамота, разумеется, относится к памятникам не великорусского, а литовского делового языка. Подобный подход характеризует и словарную статью *доходъ* в СДР (3, 76), которая информирует о том, что в источниках словаря это существительное засвидетельствовано 13 раз. Словарная статья иллюстрируется четырьмя примерами из той же самой грамоты Владислава Ягелло 1387 г. Если проверить цитаты в словаре по тексту указанной грамоты, то оказывается, что слово *доходъ* фиксируется в ней ровно 13 раз. То есть словарь замалчивает то немаловажное обстоятельство, что слово *доходъ* в его огромной базе источников засвидетельствовано, правда, 13 раз, но только всего лишь в одной грамоте, вышедшей из литовской великокняжеской канцелярии. Или иначе: слово *доходъ* в пределах XI–XIV вв. ни разу не засвидетельствовано в великорусских памятниках. Все это задним числом подтверждает наше наблюдение о том, что слово *доход* было заимствовано великорусским языком из западнорусского не раньше XV в. (ср. Золтан 1984, 19).

Таким образом, до грамоты митрополита Ионы 1451 г. у нас нет достоверных данных о наличии слова *доходъ* в великорусском языке (в КДРС после указанной выше, вошедшей в СРЯ цитаты из Никоновской летописи следует

фиксация слова *доходъ* в цитируемой нами грамоте Ионы, а затем фиксации в великорусском актовом материале начиная с 1585–1586 гг.). Имеются лишь данные, свидетельствующие о широком распространении этого слова в старобелорусском и староукраинском начиная с последней четверти XIV в. (ССУМ 1, 323). В деловой письменности ВКЛ XIV–XV вв. слово *доходъ* является самым частотным членом синонимического ряда *доходъ* (457 словоупотреблений в источниках ССУМ) — *приходъ* (76 раз, ССУМ 2, 249) — *пошлина* (92 раза; ССУМ 2, 218). Между тем в великорусской письменности до самого конца XV в. случаи употребления этого слова являются sporadическими и при этом, как мы видели, впервые оно засвидетельствовано в документе митрополичьей канцелярии, связанном с Литвой. Отметим, что слово *доходъ* к этому времени закрепилось в деловом языке ВКЛ не только как общее название всякого рода поборов в пользу светских феодалов, но и в пользу церкви, в том числе и православной, как это отчетливо явствует, например, из жалованной уставной грамоты киевского удельного князя Александра (Олелько) Владимировича 1414 г., данной им предшественнику Ионы на киевской митрополичьей кафедре, Исидору: «есмо отдали г(осподи)ну отцоу своему сидору <...> села вся ц(е)рк(о)вьяная, и земли, и съ всѣми *доходы*»; «а так же воиводы <...> не вѣступали бы ся оу ц(е)рк(о)вныя земли и воды, и в люди и въ вси *доходы*, и въ все пошлыны, и ни въ что»; съ всѣми *доходы* <...> и съ всѣми пошлынами» (Щапов 180). Слово *доходъ* часто встречается в памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским и характеризует дипломатические заявления польско-литовской стороны: «нашимъ предкомъ и намъ дани шли и *доходы* съ тѣхъ волостей и наши многи пошлыны <...> а нынѣ намъ отъ колка лѣтъ даний и *доходовъ* нѣтъ съ тѣхъ нашихъ волостей» (ПДП I, № 4, 1488 г., с. 15); «абы наши данники тыи дани и *доходы* исполняли намъ по давному» (ПДП I, № 12, 1490 г., с. 48).

Закрепление слова *доходъ* в великорусском деловом языке относится к последнему десятилетию XV в., ср., например, в докончании рязанского великого князя Ивана Васильевича с князем Федором Васильевичем 1496 г.: «и Мещерские волости с оброки и з *доходы* по старинѣ» (ДДГ № 84, с. 339). Многочисленные случаи употребления слова *доходъ* фиксируются в Новгородских писцовых книгах 1495–1501 гг.: «и всего *дохода* деньгами пол-шеста рубля ноугородская»; «и принимает к старому *доходу* денгами три рубли»; «а мелкого *дохода* тринадцать боранов» и т. д. (Кочин Памятники 107; ср.: Кочин Словарь 103). К середине XVI в. слово *доходъ* становится повсеместным в великорусских документах, ср.: «а жити Третьяку в той моей вотчине и пашня пахати и *доход* всякой со крестьян имати» (АФЗХ II; № 194, 1546–1547 гг., с. 195); «пожаловал есми теми селы и деревнями <...> со всеми угоды <...> и з *доходом* з денежным и с хлебным» (АФЗХ II, № 255, 1555 г., с. 260). Повсеместность данного слова в жалованных, закладных и прочих грамотах XVI в. не оставляет сомнения в том, что к этому времени оно было усвоено

и разговорным языком. Уже в первой половине XVI в. слово могло употребляться и в церковнославянском языке, ср., в речи митрополита Даниила, произнесенном на соборе 1531 г. против нестяжательских взглядов Максима Грека: «Да ты же, Максим, святых божия соборных апостольских церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжания, и люди, и *доходы*, и села имеют» (цит. по: Клосс 1980, 97). Отметим, что слово *доход* в русских говорах представлено только в конкретном пространственном значении 'окончание, приближение к концу'; известны лишь единичные записи производных от *доход* 'прибыль': *доходка* 'прибыль доход' (Московская губ., 1908 г.) и *доходный* 'являющийся прибылью, составляющий чей-либо доход' («Доходных денег у дьякона в месяц рублей 60», Владимирская губ., 1912 г.; СРНГ 8, 160–161).

Возвращаясь к вопросу о происхождении русск. *доход*, можно констатировать, что приведенный материал довольно убедительно свидетельствует о том, что в великорусском оно является заимствованием из старобелорусского и/или староукраинского (а не прямо из польского, ср.: Witkowski 2006, 45). Правда, в русском языке второй половины XVII в. отмечаются отдельные случаи употребления глагола *доходити* в значении 'поступать в качестве дохода' (СРЯ 4, 346), которое могло бы мотивировать существительное *доходъ* 'прибыль'. Однако принимая во внимание путь распространения слова *доходъ* из западнорусского в великорусский, а также факт, что континуанты прасл. **dochoditi* в подобном значении не засвидетельствованы ни в одном другом славянском языке (ср. ЭССЯ, SPraśl, ук. м.), несостоятельность этимологии, согласно которой *доходъ* на великорусской почве мотивировано глаголом *доходити*, становится очевидной. Следует принять, что, наоборот, позднее и редкое русск. *доходити* в указанном значении мотивировано прочно вошедшим в лексическую систему русского языка уже в XVI в. существительным *доходъ*.

Существительное *доходъ* не мотивировано глаголом *доходити* также в старобелорусском и староукраинском. В староукраинских памятниках XIV–XV вв. глагол *доходити* засвидетельствован всего лишь два раза и в обоих случаях в конкретном пространственном значении (ССУМ 1, 322–323). В связи с этим можно предположить, что старобелорусское и староукраинское слово *доходъ* было заимствовано в готовом виде из древнепольского, в котором, правда, *dochód* засвидетельствовано несколько позднее (1428 г., SStr 2, 906), чем в староукраинском. Но имея ввиду исключительное господство латыни в польской деловой письменности в средневековье, это обстоятельство не может исключать возможность существования слова *dochód* в древнепольском намного раньше его фиксации в памятниках. Отметим, что в научной литературе известно показательное количество несомненных полонизмов, зафиксированных в западнорусских памятниках раньше, чем в памятниках самого польского языка (см.: Гумецкая 1969, 219–228, 1971, 113–918; Золтан 1978, 215–296). Поскольку, однако, глагол **dochoditi* в

древнепольском также не засвидетельствован в значениях, к которым можно было бы возвести исключительно экономическое значение существительного *dochód* (ср. SSr 2, 105–106), нам кажется вполне вероятным, что данное слово и в древнепольском было заимствовано в готовом виде — из древнечешского. В этом языке *dôchod* засвидетельствовано в первичном своем значении ‘результат’, мотивированном древнечешским значением глагола *dochoditi / docházeti* — ‘достигать’ (см.: Gebauer 1, 282–283), которое в древнепольском могло перейти в более узком, специальном экономическом значении как ‘результат экономической деятельности, польза от нее, доход’. Таким образом, современное общеславянское распространение данного слова обусловлено не его праславянской древностью, а позднейшей его миграцией, «цепной передачей» — по выражению А. Шенкера (Шенкер, 1983, 257) — из одного славянского языка в другой.

Таким образом, влияние канцелярского языка ВКЛ на московский канцелярский язык представляет собой не только важный факт истории культуры, но имеет не последнее значение и для славянской этимологии в более широком аспекте.

Источники

АФЗХ = Акты феодального землевладения и хозяйства : В 3-х ч. / Под ред. Л. В. Черепнина. М. : Изд-во АН СССР, 1951–1961.

БЕР = Български етимологичен речник : 1—... София : Академ. изд-во «Проф. Марин Дринов», 1971—...

ДДГ = Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. Б. Черепнин. Отв. ред. С. В. Вахрушин. Л.—М. : Изд-во АН СССР, 1950. 587 с.

КДРС = Картотека Древнерусского словаря XI–XVII вв. / Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, М.

Кочин Памятники 1935 = Памятники истории Великого Новгорода и Пскова / Сборник подгот. к печати Г. Е. Кочиным. М.—Л. : Соцэкгиз, Ленингр. отд-е тип. «Печатный двор», 1935. 190 с.

Кочин Словарь 1937 = Материалы для терминологического словаря древней России / Сост. Г. Е. Кочин. М.—Л. Изд-во АН СССР, 1937. 487 с.

КПМЛ = Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государство короля Стефана Батория (с 1573 по 1580 год) : В 2-х т. / Издана М. Погодиным и Д. Дубенским. М. : В Университетской типографии, 1843.

Пешак = Грамоти XIV ст. / Упорядкування, вступна стаття, коментарі і словничні покажчики М. М. Пешак. Київ : Наук. думка, 1974. 255 с.

ПДП I = Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 1 : Годы с 1487 по 1533. СПб. : Тип. Ф. Г. Елеонского, 1882. 949 с. (Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35).

ПДС I = Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными : В 10 ч. Ч. 1 : Памятники дипломатических сношений с Империей

Римской. Т. I : С 1488 по 1594 год. СПб. : Тип II Отделен. собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851. 852 с.

ПИГ = Послания Ивана Грозного / Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Под ред. В. Л. Адриановой-Перетц. М.—Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 712 с.

ППП = Памятники русского права : В 8 т. М. : Гос. изд-во юридич. лит-ры, 1952–1959.

ПСРЛ IX–XII = Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. М., 1965–2000. Т. IX. 256 с.; Т. X. 244 с.; Т. XI. 254 с.; Т. XII. 266 с.

РИБ VI = Памятники древнерусского канонического права. Ч. I (Памятники XI–XV вв.). Изд. 2-е. // Русская историческая библиотека. Т. VI. СПб. : [Тип. М. А. Александрова], 1908. 1472 с.

РЭС = Аникин, А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1—... М., 2007—...

СДР = Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : В 10 т. Т. 1–10 / Ред. Р. И. Аванесов. М. : Русский язык, 1988–2013.

СРНГ = Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин. 1—... М.—Л., С-Пб., 1965—...

Срезн. = Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб. : Изд. Отд-ния рус. яз. и словесн. Имп. АН, 1893–1903.

СРЯ = Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1—... М. : Наука, 1975—...

ССУМ = Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. : В 2 т. / Ред. Л. Л. Гумецька, І. М. Керницький. Київ : Наукова думка, 1977–1978. Т. 1 : А—М. 630 с.; Т. 2 : Н—Я. 591 с.

Щапов = Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подготовил Я. Н. Щапов. М. Наука, 1976. 240 с.

ЭСРЯ I/5 = Этимологический словарь русского языка. Т. I, вып. V : Д, Е, Ж / Под ред. Н. М. Шанского. М. : Московский университет, 1973. 304 с.

ЭССЯ = Этимологический словарь славянских языков : Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 1—... М. : Наука, 1974—...

Gebauer = Slovník staročesky. Díl I—II (A—netbalivost) / Napsal Jan Gebauer. Praha : Unie, 1903–1916.

SPrasł = Słownik prasłowiański / Red. F. Sławski. 1—... Wrocław [etc.], 1974—...

SSr = Słownik staropolski. T. 1–11. Kraków : Polska Akademia Umiejętności, Instytut Języka Polskiego PAN, 1953–2002.

Литература

Гарбуль, Л. Лексические полонизмы в русском приказном языке первой половины XVII века. Вильнюс : Изд-во Вильнюсского университета, 2014. 282 с.

Гумецкая, Л. Л. К истории украинско-польских языковых связей // Исследования по польскому языку : сборник статей. М. : Наука, 1969. С. 219–228.

Гумецкая, Л. Л. Заметки об украинско-западнотславянских связях древнего периода // Проблемы истории и диалектологии славянских языков : сборник статей к 70-летию чл.-корр. АН СССР В. И. Борковского. М. : Наука, 1971. С. 113–118.

Золтан, А. Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV в. : К вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 24 с.

Золтан, А. Мнимое праславянское *bitva 'сражение' // *Studia Slavica Hung.* Т. 36. Budapest, 1990. Р. 445–451.

Золтан, А. *Interslavica* : Исследования по межславянским языковым и культурным контактам. М. : Индрик, 2014. 224 с.

Клосс, Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М. : Наука, 1980. 342 с.

Лурье, Я. С. О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV–XVI вв. // *Труды отдела древнерусской литературы.* Т. XIX. М.—Л., 1963. С. 262–288.

Приселков, М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Петроград : Научное дело, 1916. 116 с.

Сергеев, Ф. П. Русская дипломатическая терминология XI–XVII вв. Кишинев : Картя Молдовеняскэ, 1971. 219 с.

Сергеев, Ф. П. Русская терминология международного права XI–XVII вв. Кишинев : Картя Молдовеняскэ, 1972. 258 с.

Сергеев, Ф. П. Формирование русского дипломатического языка. Львов : Вища школа. Изд-во при Львов. ун-те, 1978. 223 с.

Соловьев, С. М. История России с древнейших времен : В XV кн. Кн. V (Т. 9–10). Кн. 5, (т. 9–10) / [Коммент. А. М. Сахарова]. М. : Соцэкгиз, 1961. 755 с.

Успенский, Б. А., Живов, В. М. Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века // *The International Journal of Slavic Linguistics and Poetics.* Vol. XXVIII. The Hague, 1983. Р. 149–180.

Хорошкевич, А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М. : Наука, 1980. 295 с.

Шенкер, А. Главные пути лексических заимствований в славянских языках (на материалах чешского, польского и восточнославянских языков X–XVI вв.) // *American Contributions to the Ninth International Congress of Slavists.* Columbus, 1983. Vol. 1. Р. 255–267.

Fogarasi, M. Europäische Lehnwörter im Spiegel einer russischen diplomatischen Urkundensammlung (1488–1699) // *Studia Slavica.* Т. IV. Budapest, 1958. Р. 57–62.

Kochman, S. Polonizmy w języku rosyjskiej korespondencji dyplomatycznej (1487–1571). Cz. I–IV // *Sprawozdania Opolskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk.* Wydział II Języka i Literatury. Seria B. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1971–1974. 1971. № 7. S. 37–54; 1972. № 8. S. 63–74; 1973. № 9. S. 33–42; 1974. № 10. S. 15–27.

Kochman, S., Sznigier, Cz. Czy ros. przysaga jest polonizmem? // *Uniwersytet Gdański : Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego : Filologia rosyjska.* Т. 12. Gdańsk, 1984. S. 95–104.

Witkowski, W. Nowy słownik zapożyczeń polskich w języku rosyjskim. Kraków : Universitas, 2006. 253 s.

Zoltán, A. Wczesne zapożyczenia polskie w języku rosyjskim a polska leksykologia historyczna // *Annales Universitatis Budapestinensis de Rolando Eotvos nominatae. Sectio Linguistica.* Т. IX. Budapest, 1978. Р. 211–219.

Сяргей Запрудскі (Мінск)

ЦІ З'ЯЎЛЯЕЦЦА СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЯ ЛІТАРАТУРНАЯ МОВА 1920-Х ГАДОЎ?

1. Згодна з данымі «Тлумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы», прыметніку *сучасны* ўласцівы тры значэнні: 1. 'які мае адносіны да цяперашняга часу', 2. 'які знаходзіцца на ўзроўні свайго часу, адпавядае патрабаванням свайго часу' і 3. 'які адбываецца цяпер, у дадзены час; цяперашні' (ТСБМ).¹ У першым і трэцім выпадках слова *сучасны* выступае як адносны прыметнік, у другім — як якасны.

У розных лінгвістычных працах у дачыненні да беларускай мовы актуалізуюцца розныя значэнні слова *сучасны*.

Што датычыць, напрыклад, калектыўнай акадэмічнай манаграфіі аб гісторыі беларускай літаратурнай мовы 1968 г., то ва ўступе да яе выраз «сучасная беларуская мова» не выкарыстоўваўся. У манаграфіі, аднак, ёсць раздзел «Агульная характарыстыка літаратурнай мовы нашага часу»; кваліфікацыю «мова нашага часу» можна разумець як «сучасная мова». Храналагічна пачатак раздзела сягае ў сярэдзіну 1930-х гг.

Цікава тое, што некаторыя амаль адначасовыя падзеі або працы (напрыклад, рэформа 1933 г. і «Руска-беларускі слоўнік» 1937 г.) апісаны ў манаграфіі ў розных раздзелах і, такім чынам, на шкале «гісторыя — сучаснасць» атрымалі неаднолькавыя кваліфікацыі. Рэформа беларускай мовы 1933 г. у манаграфіі разгледжана як гістарычная падзея ў рамках раздзела аб першых паслякастрычніцкіх дзесяцігоддзях, у той час як выдадзены ўсяго праз чатыры гады слоўнік — у раздзеле аб мове «нашага часу» (Крамко, Юрэвіч, Яновіч 1968, 190–194, 282–284).

У падручніку па гісторыі беларускай літаратурнай мовы Л. Шакуна 1984 г. паняцце сучаснай беларускай літаратурнай мовы, з аднаго боку, атаясамляецца з паняццем «новая беларуская літаратурная мова», з другога боку, робіцца папярэджанне, што ўжыванне тэрміна «сучасная беларуская літаратурная мова» не зусім дакладна акрэслена. Апошні тэрмін, згодна з Л. Шакуном, часта выкарыстоўваецца і ў больш вузкіх значэннях тыпу 'беларуская літаратурная мова савецкай эпохі', 'беларуская літаратурная мова сярэдзіны і другой палавіны XX ст.', наогул 'беларуская літаратурная мова нашых (верагодна, 1970–80-х гг. — С. 3.) дзён' (Шакун 1984, 17). У выніку прымянення падобных падыходаў атрымліваецца, што паняцце «сучасная беларуская літаратурная

¹ Даклад уяўляе сабой працяг і развіццё меркаванняў, выкладзеных у раздзеле «Месца перыяду 1920–1930-х гг. у рамках гісторыі беларускай літаратурнай мовы» нашай манаграфіі (Запрудскі 2013, 41–50).